

politichnoi istorii = Central and Eastern Europe in the 15–18th Centuries: The Problems of Socio-Economical and Political History, Lviv, 1998, pp. 264–280.

7. Lapteva L.P. Prague University in the Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century // Voprosy istorii slavyan = Questions of the Slavic history, Voronezh, 1999, iss. 14, pp. 137–153.

8. Randin A.V. Czech and German Reformation (Some Aspects of Interaction) // Slavyano-germanskie

issledovaniya = Slavic-German studies, vol. I–II, Moscow, 2000, pp. 138–149.

9. Garkuša L. Rozvoj české husitologie od roku 1989 do roku 2005. Husitský Tábor, Tábor, 2006, 15, pp. 319–363.

10. Laptěva L.P. Nejnovější historiografie husitského hnutí. 1980–1994. Husitský Tábor, 1999, 12, pp. 77–86.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КОЧЕВНИЧЕСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ (РОССИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ).

Карлов В.В.

SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF NOMADISM IN THE POST-INDUSTRIAL WORLD (RUSSIA AND NEIGHBORING COUNTRIES).

Viktor Karlov

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы включения кочевых обществ России и сопредельных с ней стран в систему социальных связей индустриального и постиндустриального мира. Анализируются изменения в организации хозяйства и быта народов, сохранивших кочевые традиции, в постсоциалистический период конца XX-начала XXI вв. Автор ставит вопрос о перспективах воспроизводства культур номадов в эпоху глобализации и о совместимости принципов функционирования их обществ с основами организации жизни народов в постиндустриальном обществе.

ABSTRACT

the article deals with the problems of inclusion of nomadic societies of Russia and neighboring countries in the system of social relations of the industrial and post-industrial world. Examines changes in the organization of the economy and life of the peoples that preserved nomadic tradition, in the post-socialist period of the late XX-early XXI centuries. The Author raises the question about the prospects of reproduction of cultures of nomads in the era of globalization and on the compatibility of the principles of the functioning of their societies with the basics of organization of life of the peoples in post-industrial society.

Ключевые слова: кочевники, постиндустриальный мир, этнокультурное воспроизводство, модернизация, архаизация

Key words: nomads, post-industrial world, ethno-cultural reproduction, modernization, archaization

Постановка вопроса о кочевых народах и культурах как социально-историческом и культурном явлении отнюдь не нова: тема неоднократно обсуждалась в литературе, как отечественной, так и зарубежной. Перечень публикаций в виде монографий и статей в ведущих журналах может составить сотни работ. Например, в последнее время серьезный анализ происходящих изменений в хозяйстве и быте народов, сохраняющих кочевые традиции, был предпринят в ряде отечественных журналов. Это вполне объяснимо: социально-политические перемены конца XX - начала XXI века уже нуждаются в анализе тенденций изменений и осмыслении перспектив. Не случайно в этих публикациях, прежде всего о хозяйственной жизни, приняли участие ведущие специалисты по кочевникам как юга евразийского ареала, так и севера: А.В. Головнев, Н.Н. Крадин, А.М. Хазанов, и другие авторы. [1]

Однако вопрос о ближайшем будущем кочевых народов и их культуры не исчерпывается изменениями в хозяйстве и его организации. По многим причинам оценка судьбы кочевников в условиях индустриального и постиндустриального

общества, хотя на эту тему также имеется уже немало исследований профессиональных этнологов и антропологов, пока оставляет открытыми немало вопросов. Одни авторы по-прежнему считают номадизм в его устоявшихся формах, даже в современных условиях, неким реликтом доиндустриальной эпохи, другие на примере отдельных кочевых обществ все же видят возможности адаптации кочевания как способа хозяйствования и образа жизни к новым обстоятельствам бытия, предполагая способность номадизма как культурного феномена к воспроизводству в системе социально-экономических связей постиндустриального мира.

По-видимому, поиски ответа на вопрос о месте кочевников и кочевания в современных условиях следует начинать как раз с определения того, в чем же заключается специфика социально-воспроизводственных связей современной постиндустриальной цивилизации, в которую включено человечество и составляющие его народы. Начиная с эпохи модерна основой существования народов мира, вступивших в стадию модернизации, стала подробно дифференцированная и профессионально

специализированная деятельность и обмен ее результатами: в начале процесса на моноэтнической основе, но с его развитием этнические границы стали быстро преодолеваются. Постоянно в сферу отношений обмена результатами деятельности стали втягиваться все новые регионы и группы населения, часто уже независимо от его этнического состава. Так складывалась система адаптации общества в среде обитания, основанная на обмене продуктом специализированной деятельности, ставшая фундаментом жизнеобеспечения в эпоху модерна. Относительно целостным организмом, обеспечивавшим производство продукта и обмен, в это время стала нация как согражданство людей, живущих в одном государстве и подчиняющихся единым для них законам – нация не в этническом, а в этатистском понимании, как ее впервые определил в годы Великой французской революции еще аббат Сийес [2], и как она с тех пор понимается в англо-французском научном и политическом дискурсе. Такая нация есть не «тип этнической общности», каким она считалась в советской историографии. По отношению к народу-этносу она стала лишь новым типом связи по воспроизводству общества, в «операционную систему» которой тем или иным образом были «встроены» входящие в государство этносы.

Понятно, что от того, какое место этнос занимал в структуре воспроизводственных связей государственного уровня, напрямую зависело, насколько и как народ мог сохранять свои хозяйственные занятия. Чаще, рано или поздно, он был вынужден отказываться от традиционной доиндустриальной системы жизнеобеспечения и переходить на иные способы хозяйствования, больше ориентированные на рыночный обмен, то есть постепенно так или иначе включаться в структуру профессионально специализированной деятельности и обмена. Такая новая ориентация основной хозяйственной деятельности влекла за собой появление ряда других, вспомогательных по отношению к хозяйству, специализированных отраслей: необходимой системы образования, производственной и социальной инфраструктуры и обслуживающих их кадров, и т.д. Важно отметить, что инфраструктура, обеспечивавшая жизнедеятельность, далеко не всегда уже замыкалась в границах этнических связей. При этом чем активнее проходило включение хозяйственного быта народа в общегосударственные обменные связи, тем более интенсивно его слои, в эти связи втянутые, должны были осваивать культуру основного ядра нации-государства, его язык и профессиональное образование. А это, наряду с превращением большей части людей в наемных рабочих, иногда вовсе не связанных с традиционными видами занятий, создавало благоприятные условия для ассимиляционных процессов, особенно у малочисленных этносов, включенных в национальный воспроизводственный организм.

Отмеченное обстоятельство как раз отражает первую сложность перехода кочевых цивилизаций к принципам функционирования общества в эпоху модерна. Все кочевые народы существовали в условиях организации социальной жизни и хозяйственной деятельности, ориентированной на натуральное самообеспечение. Этому процессу (или, точнее, способу полноценного этнокультурного воспроизводства социума) всецело была подчинена и специфика использования природной среды обитания, и система социальных связей. В частности, хорошо известно, что чрезмерный, по отношению к реальным потребностям кочевника в пище, рост поголовья скота быстро приводил к истощению традиционно используемых пастбищ, что нередко побуждало кочевое сообщество к расширению территории и захватам новых пригодных для выпаса земель, столкновениям с соседями, их подчинению или вытеснению.

С переходом к эпохе модерна принципиально меняется само положение кочевых культур в мире. Если в средневековье мобильные и хорошо владевшие военным ремеслом, располагавшие прекрасной конницей, кочевые народы чаще всего одерживали верх над оседлыми соседями, облагая подвластные территории данью, то прогресс техники, в том числе производства разных видов огнестрельного оружия, появление профессионально обученных армий нового типа, предопределило превосходство вступивших уже в эру модерна оседлых народов над кочевыми. [3] Расширение территории кочевания, дань и грабеж земледельцев как одна из основ бытия номадов, стали невозможны. С этих пор жизнь кочевых народов еще больше должна была сосредоточиться на натуральном жизнеобеспечении, при поддержании относительно приемлемого режима природопользования (пастбища, источники воды) – по сути быть сведенной к некоей консервации традиционализма. Другой же альтернативой становилось включение в обменные связи с населением государства, в котором они живут, специализация в сфере торгово-промышленных отношений национального уровня, товаризация хозяйственного быта. Этот процесс достаточно очевиден, хотя детальных описаний и аналитических работ о том, как это происходило, например, в России, не так уж много. Во всяком случае, в быту кочевых народов Российской империи довольно долго сочетались в той или иной степени оба варианта. Можно, однако, констатировать, что второй вариант постепенно охватывал все больше народов и территорий, где кочевой быт еще сохранялся. Почти во всех этих обществах появлялась и росла торгово-промышленная верхушка, главным образом в сфере посреднической торговли, скупки товарного скота и завоза промышленных изделий. Из ее среды, как правило, вышли первые просветители и люди, занятые интеллектуальным трудом, получившие хорошее образование в лучших вузах страны.

Одновременно на другом социальном полюсе постепенно росла и прослойка хозяев, полностью или частично потерявших скот, обедневших и вынужденных жить наемным трудом, нанимаясь к богатым соплеменникам. Иным вариантом был уход в промышленность и в города.

Важно, что фактически оба «полярных» социальных слоя в той или иной мере переходили на стандарты быта, в перспективе ведущие к ассимиляции, утрате этнокультурной специфики, в лучшем случае сохраняя некоторое время билингвизм и бикультурализм. Чем могли завершиться данные процессы, судить сложно, так как в стране произошла социалистическая революция, изменившая организационные и экономико-хозяйственные условия бытия.

После революции оба варианта включения кочевых народов в общество эпохи модерна были существенно изменены. Консервация доиндустриального быта и хозяйства исключалась в силу того, что советская политика «подтягивания ранее отсталых народов до уровня передовых» предполагала серьезный комплекс хозяйственных и социальных перемен. Второй же вариант включения продвинутых социальных слоев в систему буржуазных обменных связей подлежал ликвидации из-за целенаправленной социально-классовой политики новой власти - устранения самой системы связей в обществе, основанной на экономико-социальном неравенстве. Вместе с тем, что касается межэтнической маргинальности у части кочевников, возникшей еще до революции, то это явление сохранялось и в ходе строительства нового общества.

Возникает вопрос, какая же альтернатива включения кочевых народов в общество модерна осуществилась в результате при строительстве социализма. Ведь очевидно, что советская власть сознательно ставила задачу форсированной модернизации страны, прекрасно осознавая, что иного пути у страны нет, или страна исчезнет. Но столь же очевидно, что форсирование процесса индустриализации нередко оборачивалось рядом грубых ошибок в социальной политике, которые порой вели к трагическим последствиям. И кочевых народов такие ошибки коснулись непосредственно. Среди них можно назвать недостаточно продуманную линию перевода кочевников на оседлость и принудительное обобществление скота. Для казахов это принесло огромные и невозполнимые потери. А среди ненцев вызвало упорное сопротивление, вплоть до восстаний, с жестокостью подавленных.

Однако постепенно, по мере становления структуры плановой экономики страны и ее отраслей, ситуация в чем-то существенно изменилась. Включение целых отраслей, в том числе и экстенсивного скотоводства, в регулируемые государством сверху процессы обмена в масштабе страны результатами и продуктами специализированной деятельности позволило сохранить традиционную специализацию хозяйства, а во многом и немалую

долю специфики в быту, значительной массе скотоводов разных регионов. Одновременно же ликвидация неграмотности и развитие образования на национальных языках, политика коренизации управленческого аппарата и прочие меры «подтягивания ранее отсталых народов до уровня передовых» создали объективные довольно благоприятные условия для социальной динамики - в том числе представителям кочевых народов. Имеется в виду возникновение у них и рост занятости в иных видах деятельности, свойственных индустриальной цивилизации, альтернативных традиционному кочевому скотоводству: занятость в сфере промышленности, массовых профессий, требующих высшей квалификации (медицина, образование), создание интеллигенции научной и творческой.[4] В советской историографии все эти изменения исследованы достаточно подробно, хотя нередко, конечно, с выраженным идеологическим акцентированием.

Если же попытаться оценить реальное значение всех таких новаций эпохи модернизации без идеологических акцентов, нелишне будет сделать акцент на том, что в анализе судеб кочевых обществ и кочевого хозяйства в социалистический период обычно опускалось. Речь идет не просто о социальной динамике, а о характере воспроизводства у кочевых народов как этнокультурной целостности. А именно: при всех недостатках советской системы организации производства и быта, невозможно отрицать, что как раз огосударствление всех отраслей хозяйства и организация обмена их продуктами в масштабе страны позволили кочевым народам в результате более или менее гибко и плавно встроить свою животноводческую специализацию в отраслевую структуру СССР без резкого и чреватого социальными противоречиями слома хозяйственной специфики и основ быта. И параллельно с этим в национальных районах, особенно имеющих статус союзных или автономных республик, были созданы отрасли современной культуры профессионального уровня, причем в той или иной степени на национальной основе (хотя, разумеется, эта степень была разной в разных сферах деятельности). Иными словами, включение бывших «чистых» номадов в цивилизацию модерна, при всех известных издержках, создавало при этом варианте возможности относительно полноценного этнокультурного воспроизводства кочевых обществ, без резкого слома хозяйственных традиций, но и без безальтернативной привязки индивида именно и только к традиционному укладу жизни, с сохранением возможности социальной динамики и выбора. В хозяйственном же отношении командно-административная система тоже имела ряд своих плюсов: хотя отчасти волюнтаристскими методами, не экономическими по сути, а «сверху», но в интересах массы населения, занятого в том числе в животноводческой отрасли, регулировалась

ценовая политика, государство брало на себя и обеспечивало функционирование необходимой инфраструктуры, как экономической, так и социальной (энерговооруженность, снабжение, сферы медицинского обслуживания и образования, зоотехническая служба, и т.д.). О возникших острейших проблемах в жизни населения районов, где и в постсоциалистические годы сохраняется подвижное животноводство, но где при этом произошел частичный или даже полный уход государства из некоторых таких сфер, красноречиво сказано в очерках коллег, анализировавших изменения в организации хозяйства постсоциалистического времени.[5]

Вопрос о принципах и специфике этнокультурного воспроизводства раньше и теперь имеет, кроме хозяйственного ракурса, не менее важный для кочевников ракурс социально-организационный. Бытие этих народов во все времена опиралось на определенные, хотя и довольно разнообразные и подвижные, формы коллективности. Они начиная с глубокой древности почти у всех номадов Евразии базировались на структуре генеалогического древа, которая давала кочевнику очень четкое понятие о том, кто свои, а кто нет, насколько партнер по общению более или менее близок, и как, в соответствии с этим, следует с ним себя вести.

В.В. Бартольд в работе о кочевниках-тюрьках так характеризовал данную систему отношений: «Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти. Общество располагает на этой стадии развития народа такой силой, что его воля исполняется не нуждаясь для этого в поддержке со стороны властей, которые располагали бы определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения.» Далее В.В. Бартольд говорит о том, что появление ханской власти было сопряжено с напряженной борьбой и насилием, нередко большим кровопролитием, нежели при нападениях кочевников на оседлые районы, большинство же кочевого населения только вынуждено было мириться с подчинением ханам. Одной из причин всего этого была сословная борьба (то есть выделение родо-племенной знати – В.К.), в нормальных же условиях кочевники удовлетворялись сложившейся системой социальной связи родственно-соседского характера и не нуждались в какой-либо государственной надстройке. [6]

Такая «естественная» самоорганизация кочевого сообщества в какой-то степени прошла через все стадии бытия кочевников, включая индустриальную. Поэтому неудивительно, что и в современную эпоху кочевые народы могут опираться на традиционные социально-

организационные институты и даже в чем-то их укреплять при возникновении конкретной ситуации ослабления официальных (государственно-административного уровня) связей и структур.

Следует добавить, что структура генеалогического древа тоже обладала способностью варьировать в зависимости от обстоятельств: в случаях весьма нередкой в условиях кочевой мобильности перетасовки родо-племенного состава населения с относительной легкостью к древу добавлялись новые боковые ответвления включением реального или легендарного предка новичков (адаптируемого рода или подразделения) в местную генеалогию.

Еще большей способностью к вариациям может характеризоваться такая уже в древности возникшая форма взаимоотношений между семьями кочевников, как раздача скота на выпас, если семья хозяина обойтись своими силами была не в состоянии (она известна у очень многих кочевых народов под разными названиями, но в научном обороте обычно фигурирует казахское ее наименование *саан/саун*). При том, что условия приема скота на выпас порой существенно отличались, они очень сильно зависели в числе прочего от степени родства или соседства между заключающими такой договор хозяевами. Поэтому в старой литературе можно было встретить широкий спектр трактовок сущности *сауна*, от родственной взаимопомощи до способа фактической эксплуатации бедноты чуть ли не капиталистического типа. В данной системе хозяйственных отношений личный фактор имел далеко не последнее значение: близкий родственник по укоренившейся практике обычно имел более льготные обязательства перед хозяином скота, мог не только безвозмездно пользоваться молоком, мясом и шерстью, но и оставлять себе приплод, появившийся за период выпаса. Тогда это нередко было вариантом родственной взаимопомощи. Отдаленное же родство, а тем более его отсутствие, влекло за собой обязательства довольно тяжелые для принявшего скот на выпас, вплоть до фактического статуса наемного пастуха, работавшего только за еду.

В условиях развития товарного производства до революции 1917 г., когда уже разбогатевшие скотоводы были ориентированы на рынок и получение прибыли, сохранение традиционной обычно-правовой практики делало для них крайне невыгодными отношения *сауна* с близкой родней. Постепенно в ряду зажиточных хозяйств практика обычного найма пастухов стала все больше укореняться. Причем это происходило в типологически схожих формах и у степных скотоводов, и в областях преобладания крупностадного оленеводства на сибирском севере. То есть полномасштабное развитие подобных тенденций вполне могло бы обернуться деструкцией общинных коллективистских порядков, с другой же стороны, такой путь подключения к экономике модерна, по-видимому,

неизбежно мог привести к сложностям в воспроизводстве кочевых обществ как этнокультурных феноменов. Альтернативой их дестигматизации, вероятно, могло бы быть только их сохранение как неких заповедников традиционализма.

Период строительства социализма по отношению к обществам кочевых скотоводов с точки зрения социально-организационной базировался на по крайней мере двух принципиальных факторах: отход от частной собственности на основную массу скота, его обобществление государственными или кооперативными объединениями, с закреплением за ними пользования пастбищами, и развитие и поддержание принципов коллективности в производстве и распределении. Коллективность общинного типа, разумеется, в политико-идеологическом понимании должна была смениться коллективизмом трудового народа, сознательных и совместно с товарищами по классу идущих к новой жизни социалистических тружеников. Однако на практике целенаправленная политика деструкции родственно-общинных отношений и структур властями не проводилась. По-видимому, интуитивно власти понимали, что населением такая практика была бы отторгнута. Напротив, коллективистские начала и приверженность им населения, особенно в первые десятилетия строительства социализма, скорее выглядели неким подспорьем в организации хозяйственной жизни. Нередко связи родственно-соседского характера использовались или даже лежали в основе комплектования бригад, подразделений, и т. д. Хотя, с другой стороны, со временем пережитки родо-племенного сознания оборачивались и очевидным недостатком кадровой политики, когда социальная динамика зависела не столько от деловых качеств работника, сколько от его родственных отношений с начальством. Время от времени на местах приходилось принимать соответствующие постановления и вести с этим борьбу, хотя бы номинально. Таким образом, можно констатировать, что родо-племенная структура и соседско-родственные связи с их функциональной важностью в бытовой сфере в структуре деятельности кочевника и при социализме в целом не теряли значения, хотя, разумеется, их традиционное место в образе жизни в какой-то степени стало менее существенным, будучи отчасти потеснено некоторыми новыми вертикальными и горизонтальными взаимосвязями в социалистическом социуме.

Ныне же очередной, постсоциалистический, период ломки сложившихся экономических и социальных отношений на первый взгляд стал временем реставрации рыночной системы, и, если вопрос только в этом, по имеющимся материалам относительно того, как происходило приспособление традиционного хозяйства к рыночной экономике ранее, можно было бы предполагать, что ожидает кочевников в перспективе. Но проблема еще и в том, что

индустриальное общество с ориентацией производства и потребления главным образом на внутринациональные государственные связи (особенно в агро-промышленной сфере) для мира в целом этап уже пройденный. Постиндустриальное общество периода глобализации в функционировании системы производства и потребления предлагает миру в чем-то существенно отличную систему связей, где над локальным, региональным и государственным интересом начинают превалировать не внутринациональные воспроизводственные структуры, а глобальные сетевые связи и интересы.

В таком современном развороте ориентации производства на рынок (если под рынком иметь в виду не местные базары, а серьезную товарную специализацию как одно из важнейших условий хозяйственной жизни и быта) уже заложено очевидное противоречие. Когда глобальная экономика начинает диктовать развитие и расширение производства в самых востребованных рынком продуктах скотоводства, последствия прогресса производства не всегда бывают предсказуемыми и приемлемыми для норм воспроизводства хозяйства кочевников. Такое уже произошло, в частности, в связи со спросом на ангорский пух, что повлияло на рост в Монголии поголовья коз и, соответственно, на повышение благосостояния владельцев крупных стад. А следствием стала деградация пастбищ, часть которых надолго просто выпала из оборота. Надо иметь в виду, что как в аридных, так и в субарктических зонах естественные природные кормовые ресурсы для животноводства в принципе очень хрупки и уязвимы, и перевыпас для пастбищ сопряжен с риском их временной утери. Восстанавливаются они долго и с трудом. Ведь практика пользования пастбищами с сохранением основ воспроизводства кормовой базы для скота формировалась все же в условиях ориентации хозяйства кочевников на натуральное самообеспечение. Но глобальному рынку – такова его природа – эти проблемы не интересны. А вскоре еще и рыночная конъюнктура изменилась, мода на ангорскую шерсть прошла. Производитель же потерпел урон как из-за падения спроса, так и из-за проблемы переориентации хозяйства в условиях истощения пастбищ.[7]

Поэтому, возможно, фермерское хозяйство для успешного владельца скота как индивида сейчас, действительно, может выглядеть как оптимальная форма организации производства (хотя все же не безальтернативная - мнение о безальтернативности фермерства для кочевников нашего века высказал, например, А.М. Хазанов в итоговой статье к подборке работ о жизни современных кочевников).[8] Но большие сомнения вызывает вопрос о том, сможет ли система фермерства сохранить кочевничество в аридных зонах как специфический особый уклад и образ жизни. Нетрудно представить, что менее успешные хозяева (которых все же будет большинство при реализации данного пути развития) предпочтут

участи батраков переселение и поиск занятий совсем иного рода, например, в промышленности. Ведь общество эпохи постмодерна в таком плане предоставляет для человека куда больший выбор, нежели он был у кочевника-бедняка на заре встраивания кочевых народов в индустриальный мир. Тем более, что нынешний кочевник благодаря развитию еще при социализме образования и культуры информирован о мире и возможностях трудоустройства несравненно лучше, чем его предки. Конечно, государственная помощь в перепрофилировании занятости «лишних» для фермерского хозяйства людей, несомненно, только поспособствует этим процессам. Но в итоге ведь всё вполне может обернуться только запустением областей, где проживало кочевое население. Тогда фермерам, здесь оставшимся, возможно, придется переходить к вариантам найма работников «вахтовым методом». Но это уже из области предположений.

Относительно возможностей перепрофилирования занятий населения на не связанные с подвижным скотоводством виды труда необходимо также заметить, что такая вероятность существует больше гипотетически - даже если государства, куда относятся районы расселения кочевников, найдут для этого средства и создадут нужную систему подготовки. Подготовить работников, не связанных с животноводческим хозяйством - это ещё не решение проблемы их иной занятости на местах обитания. То есть если эти люди, получив подготовку, уедут из родных мест, они, конечно, работу смогут найти. Но какие современные специальности могли бы им позволить остаться, это очень большой и трудно решаемый вопрос, даже с учетом того, что современная система коммуникаций допускает территориальную разобщенность работников. Все имевшиеся опыты подключения населения аридных районов или субарктических широт к современным профессиям в промышленности или сфере услуг всегда упиралось в одну проблему: если большая доля жителей этих мест будет занята такими видами труда, то кто тогда будет заниматься их жизнеобеспечением? Ведь легко и просто решаемые в других условиях такие вопросы за счет ввоза, например, продовольствия, здесь из-за удаленности и отсутствия налаженных транспортных коммуникаций просто моментально делают любой род занятий (кроме традиционных видов труда) абсолютно убыточным. Особенно это касается населения севера, где любая община должна концентрировать именно в своей собственной среде способы своего обеспечения пищей, то есть оставаться максимально самодостаточной единицей. Непонимание такого элементарного «закона жизни» севера, вылившееся в свое время в непродуманную политику ломки микроареального расселения и природопользования путем укрупнения поселений, хотя и делалось это как будто в благих целях (лучшие возможности для образования, медицинской помощи, стационарное жилище)

привело в итоге к противоположным результатам: к нарушению нормального воспроизводства северных этносов, когда сконцентрированные в крупных поселках вчерашние тасжники и тундровики превращались в неприкаянных живущих случайными заработками люмпенов, проникнутых иждивенческими настроениями из-за положенных представителям малочисленных народов льгот. В более доступных в транспортном отношении аридных районах подобных проблем хотя и меньше, но и их жители полностью от них не избавлены.

Кроме аспектов экономико-хозяйственных, для оценки перспектив кочевых обществ в мире постмодерна не менее важна группа вопросов, касающихся социальной организации. Номадизм как особый уклад всегда, как выше уже отмечено, базировался на разных, но довольно многочисленных, специфических формах коллективности. Остроту данной проблеме придает сознательная линия идеологов современного глобализма на расшатывание оснований традиции и сообщества, хотя та или иная традиция и принадлежность к сообществу всегда были (и остаются) обязательным условием бытия и воспроизводства любого социума. Освобождение от традиции и сообщества видится теоретикам глобализма неким высочайшим достижением современной цивилизации, верхом индивидуальной свободы личности, о чем откровенно сказал американский социолог, директор Института по изучению экономической культуры при Бостонском университете, П. Бергер. Сравнивая между собой разные сферы культурной глобализации, он отметил: «Если и есть аспект, который присутствует во всех этих сферах, то это индивидуализация: все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют независимости индивида от традиции и сообщества» [9].

Сказанное Бергером есть, разумеется, одна из ведущих идеологических составляющих политики глобализма, значение которой, хотя и мотивировано заботой о человеческой свободе, имеет и вполне очевидное прагматическое содержание: управлять людьми в их любых сочетаниях очевидно проще, если «свободные индивиды» руководствуются ситуативным интересом и не слишком озабочены ориентацией на нормативы и ценности, связывающие их с традицией и сообществом. Но это уровень идеологии и его воздействия на общество, которое может быть или не быть успешным.

Есть, однако, в системе воспроизводственных механизмов современного мира и объективная сторона, благодаря которой формируется по крайней мере возможность существования индивида без опоры на привычные для индустриального общества стабильные социальные связи. Это рождение принципа функционирования современной постиндустриальной цивилизации, названное некоторыми экономистами «эргатической системой», - некое триединство «индивид – социум – техника», или

функциональная цепочка связи, позволяющая индивиду решать свои жизненные проблемы и удовлетворять потребности с опорой на современную техническую базу и при посредничестве социума, представленного организациями и институциями узкоцелевого назначения. Для нормального бытия индивида в структуре таких отношений необходима, разумеется, лишь определенная финансовая состоятельность.

Подобного рода новации постиндустриального мира делают эргатическую связь вполне доступной для любого успешного в материальном отношении индивида, в том числе и вышедшего из среды кочевых обществ. Такие люди и примеры уже имеются. Однако для нашей темы о перспективах встраивания кочевников в постиндустриальную цивилизацию здесь особо важен вопрос о том, будет или нет такое включение части социума в эти связи работать на воспроизводство кочевых народов как культурно-исторических феноменов. Хотя материала об этом пока слишком мало, но в целом все же можно представить, что успешное включение в мировые связи подобных индивидов чаще всего оборачивается их приобщением к сетевым структурам и связям элитарного характера. То есть, по существу, просто выпадением из круга проблем и насущных жизненных интересов собственного народа. Поводов думать, что кто-либо из среды успешных предпринимателей или финансистов со временем обратится к меценатской деятельности, к сожалению, немного. Хотя такой вариант все же не исключается.

Этап трансформации условий бытия бывших и нынешних кочевников в современных обстоятельствах пока только в фазе становления, процесс изменений еще набирает скорость, и хорошо просматриваемых тенденций для определения перспектив пока мало. Из них в экономике можно констатировать только очевидный рост имущественного и социального расслоения. Старые социально-профессиональные идентичности со сломом социалистического уклада жизни оказались во многом утраченными или расшатанными. Но такое состояние неопределенности и нестабильности, как справедливо отмечал В.А. Ядов по поводу крушения советского строя, резко увеличивает потребность человека в социальных связях (солидарности, идентичности, принадлежности к группе), так как нетерпимость к неопределенности есть одна из самых сильных психологических характеристик человека, способствующая его адаптации в жизни. Это нередко ведет к возникновению новых групповых связей или возрождению старых идентичностей и связей в новых условиях, причем с усилением их роли и значения в сравнении с прошлым, что убедительно проиллюстрировал, например, С. Хантингтон, объясняя корни исламского фундаментализма на Ближнем Востоке в конце XX в. утратой прежних

общинных связей в новой урбанизируемой среде. [10]

Феномен возврата части общества, в том числе у кочевых народов, к традиционализму, определенная степень архаизации хозяйственного быта и социальных связей, не прошли незамеченными для ряда аналитиков социальных процессов в нашей стране. Это явление, бесспорно, нуждается в исследовании и мониторинге ситуации, будучи актуальным для многих народов и регионов России и сопредельных стран.[11]

Подводя итоги изложенному о переменах в судьбах кочевников за последнее столетие, необходимо отметить, что задачей статьи не ставились точные прогностические оценки их ближайшего и более отдаленного будущего. Ее целью было обратить внимание на принципиальные сложности в организации жизнедеятельности народов, еще сохранивших кочевые традиции и образ жизни, применительно к особенностям и условиям бытия в постиндустриальную эпоху. Отмеченные варианты возврата к традиционным формам жизнеобеспечения, к архаизации быта, возможно, на какое-то время смогут обеспечить воспроизводство в виде некоей резервации, консервирующей автономное существование. Но все известные в мире примеры таких резерваций уже достаточно убедительно показали, что идилия возврата к традиционализму весьма эфемерна и недолговечна. Относительно же того, смогут ли кочевые народы адаптироваться к изменившимся условиям бытия, вписаться в новый порядок и характер воспроизводственных связей - такой вопрос остается открытым, особенно для кочевников пост-социалистического мира, кому пришлось перестраивать сложившиеся при социалистическом строе производственные связи и структуры практически заново. Однако темы, обозначенные в статье, остаются актуальными и для науки, и для практики государственного управления. А тем более для самих народов, которые стоят перед выбором. Выбор, конечно, должен быть сделан самими народами, задача антропологической и этнологической науки в данном отношении состоит лишь в том, чтобы максимально облегчить им возможность выбирать перспективу, адекватную их собственным интересам. А для этого проблема реальных возможностей этнокультурного воспроизводства обществ кочевников заслуживает дальнейшего исследования и обобщения материалов.

Литература:

[1] Подборка статей «Экономика мобильных скотоводов в посткоммунистических странах»: Хазанов А.М. От редактора, с.5-7; Крадин Н.Н. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX – XXI вв., с.8 -27; Баскин Л.М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства, с.28-43;

Грей П.А. Современное состояние оленеводства на Чукотке, с.44-56; Жапаров А.З. Современное состояние скотоводства в Кыргызстане, с.57-74; Янзен Й. Экономические перемены в монгольском скотоводстве в период трансформаций, с.75-82 // Этнографическое обозрение, 2016, №2.; Хазанов А.М. После социализма: судьбы скотоводства в центральной Азии, Монголии и России // Вестник антропологии, 2017, №2, с. 45-85 ; Подборка статей «Кочевники в мире модерна и постмодерна»: Карлов В.В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации, с.131-153; Головнев А.В. Риски и маневры кочевников Ямала, с.154-171; Солдатова А.Е. «Может, его призвание – тайгу знать на «пять»»? Образовательные траектории цаатанов и тувинцев-тоджинцев, с.172-184 // Сибирские исторические исследования, 2016, №4

[2] Sieyès E. *Çu'est que le tiers état?* Paris: Societé de l'Histoire de la Révolution Française. 1888. P.31

[3] Крадин Н.Н. Кочевые общества в контексте социальной эволюции // Этнографическое обозрение, 1994, №1, С.62-72

[4] См.: Социально-культурный облик советских наций. М.: Наука. 1986. С.52-53

[5] Этнографическое обозрение, 2016, №2. С.5 – 82

[6] Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. М.: Изд-во «Ломоносовъ». 2016. С. 9-11

[7] Янзен Й. Указ соч. С.75-82

[8] Хазанов А.М. После социализма: судьбы скотоводства в центральной Азии, Монголии и России // Вестник антропологии, 2017, №2, с. 45-85

[9] Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект пресс. 2004. С.16

[10] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2006. С.144-145

[11] Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. М., 2001. № 2; Ламажаа Ч.К. Архаизация общества: тувинский феномен. М. 2014; Ларина Е.И., Наумова О. Б. Сквозь модернизацию. Традиции в современной жизни российских казахов. М.-СПб.: Нестор-История. 2016